

Нам жить — не тужить, да родиною дорожить!

Рассказ Марины Прокофьевны Евсюковой,
шестидесятилетней звеньевой
колхоза им. Ленина, Грайворонского района.

Век живу — сама себя не люблю: неграмотная. Люди газету читают, а я не могу. Скажите, люди добрые, где сыны мои бьются?

— До границы дошли, Прокофьевна.

— А чи скоро в Германию дойдут?

Удивляются люди: на кой тебе чорт, Прокофьевна, та Германия сдалась?

Не знают люди горя материнского. Настенька, дочка моя, в той расприхлятой Германии ночей не спит, братов ждет.

Как вчера было: дверь рыпнула и Настя на порог — смутная, заплаканная.

— Ой, мамочка, родная, меня староста в Германию назначил.

Пошла к старосте. Не смотрит, христопродавец. Буркалы самогоном залил:

— Иди, иди, бабка, не ваша власть!

Завернулась, домой прихожу, а Настя:

— Ну, как, мамочка?

— Дома его нету, старосты, — отвечаю ей, а сама скорей из хаты — не могу на нее без слез смотреть. А так не выдержала.

Всю ночь проплакала с Настей. Зарю собралась она платья новые, говорит:

— Захавай, мамочка. Не хочу я в ихнюю Германию в своем наряде ехать, все равно вернусь!

Под конвоем, как каторжных, погнали наших девчат. Мы — старухи сзади идем. В город вошли. Ну, думаю, одна мне теперь смерть, пойду до старшего коменданта. Настя держит:

— Не ходите, мама! Тож, немцы, чи они нам уважат?

— Попытка — не пытка, — говорю, — может и среди них человек попадется.

Дверь открываю, прошу. Немец, как замаха — рукой, закричал, затопал, переводчица меня к порогу подталкивает. А я себя ругаю: «Дура старая — дочку не послушала. К неприятелю на поклон пошла».

Выхожу на крыльцо. Девчат в машины загоняют. Плач поднимаю. Дома трясущаяся в Грайвороне от материнского крика. Заголосила я:

— Доченька, милая, куда же тебя угоняют — на смерть, на позор.

А она поднялась:

— Мама, остепенитесь! Дождитесь братиков. А я выживу! Я все равно дома буду — не удержат меня немцы.

Не слышала, как домой дошла. А в хате немцы. Ночью внучек заплакал, офицер немецкий как разогнал к люльке — грозит ребенку револьвером. Насилу отбила я. Забрали мы детей, ушли с молодичей в подвал.

Сидим, — холодно, слякотно. Над головой немцы топчут. А я закрою глаза и стану довоенную жизнь вспоминать: колхоз наш, сачочки, поля чистые да широкие, хлеба буйные, звено свое. И все такое хорошее вспоминается, как во сне. А ведь все не сон! Все так было! Я, не смотрите, что старая — я два раза в Москву, на выставку ездила. Я на подземной дороге каталась. Я б может и медаль за сорок первый год получила — свекла у меня была богатейшая — ежли б не Гитлер. И вот как представится мне Москва, да выставка, как вспомню сынов своих, — а они один в одного, — учеными их советская власть сделала, — как представлю все это, — будто кто в мой подвал солнца да тепла впустил!

И думаю: Эх, немец, сукин сын! Гнездо ты мое разорил, сынов от меня фронтом отрезал, дочку в неволю угнал, мне старухе кобылье имя дал «Матка» — и думаешь всего лишь старуху, заставил себе подчиняться? Ах вот! Советскую власть да колхозную жизнь я от тебя в душе схоронил! Убить ты меня — можешь. Сжечь — можешь, а из души советскую власть вырвать — нету у тебя такой силы. Вот ты топчешься, в моем доме половицы гнешь, а не хожешь! Не заставишь меня по-немецки думать, твоему богу молиться. Хоть и в подвале я сижу, а русскую думку гадаю,

свою советскую власть вспоминаю!

Одной этой думкой и выжила я. Возвнулись наши, восприняла советская власть. Стала от сынов весточки ждать. Ванюшу — меньшого моего — раненого командир на плечах принес, поклонился мне. «Геройски Иван за вашу деревню дрался».

Перевязала я его, выходила, обрядила вдругорядь на позицию отправила:

— Иди, сынок, сестру выручай!

И Илюша и Петро письма пописали. Афанасий — тот майор у меня, — так написал: «Рады мы, мама, что вы твердо на своем деле стоите, да только берегите себя, не утруждайтесь».

Подумала я: нет, сынок, отдохну потом, когда война закончится, а сейчас надо державе пособлять. Колхоз то наш немцем оконтуженный. А ему надо силу дать, чтобы он государству стал добрым помощником. И вот хоть и старухи мы с Прасковьей Денисовной Лошаковой, мне — 63, ей — 102 года, а стали мы в своем колхозе БУДИЛЬНИКАМИ, начали народ на помощь Сталину поднимать!

Собрала я звено. Да какое! Женщины у меня все с малыми ребятами, пожилые. По мирному времени им всем на печке сидеть, да внуков качать. Меня председатель спрашивает:

— Ты как их, Прокофьевна, уговорила? Я ж их всю осень агитировал — не идут.

— А ты, — говорю, — Матвеевич, свою агитацию всегда с души начинай. Она ведь — душа женская — клад! К ней только подойти надобно. Я зайду к соседке:

— Ты чтож, Свиридовна, душечка, дома сидишь? Что ж коровку свою не выводишь?

— И, Прокофьевна, года мои не те! Да и коровка, разве ж она вспашет?

— А кто же вспашет, милая? Трактора то мне пушки тягают, лошадей немец поугнал. А хлеб и державе и нам нужен.

Задумается моя Свиридовна. Гляжу — идет в звено.

Ребятишек встречу:

— Хватит вам, деточки, горобцов драг. Давайте трудовни зарабатывать. Ишь вы какие большие да умственные! Отцы то поди на фронте?

— На передовой, бабушка.

— Вот видишь, внучек, батка на передовой, мы с тобой горбцов гоняем, а кормить нашего батку кто будет?

И ребята ко мне идут:

— Запни, бабушка, — на канникулах придем в твоё звено.

Как собралось звено — стали мы к весне готовиться. Золу собираем, навоз хотели на коровах возить, а потом раздумали. Пусть коровки отдохнут до весны. Их у нас на всю бригаду семь. Стали навоз в мешках, да

на саночках, да на носилках носить. И так каждый день. За два месяца я 119 трудовни заработала. Это в мои то годы! И что ж вы думаете: вся Почаевка за нами потянулась!

Я рано, рано встаю, чтоб золу взять, пока хозяйки печи не затопят. Иду с мешком, встречаю

ся молодая. Статная такая, красивая. По воду идет.

— Ты что несешь так рано, бабушка?

— Золу нес. Такое уж мое дело, старушенька — по утрам золу собирать. А ваше дело молодое — дома сидеть...

— Да я что ж, бабушка...

— А то ж, Манечка, что я с твоими годами, да посветилась бы перед старухой стояла! Я бы уже семь раз ефремовкой была! Я б ночей не спала!

— Не насмелюсь я, бабушка, в ефремовки записаться.

— А что не насмелишься? — В своем поле, в своем колхозе, да для родного государства, для мужа своего — и не насмелишься? А жизнь хорошую ожидаешь? Конца войны ждешь? Про мужа сгавдываешь? А пособить государству не насмеливаешься!

Закраснелась моя Маня, а я будто не замечаю, — дальше иду. Утром, как всегда, беру мешок, да к Нюрке — к телятнице — за золой. А она:

— Э, бабушка, опоздала! Звеньевая то наша новая — Маня Серых — с зарею пришла, всю золу выгребла!

Обрадовалась я:

— Вот хорошо! Ты ей, Нюнечка, всегда теперь золу отдавай, нехай она привыкает. А мое дело такое — я и в других дворах возьму. Мне ежели понадобится для удобрения зола, я ее со дня моря достану!

Вечером в правление захожу. А там — не разберешь. Обступили бабы председателя: «Пиши нас в ефремовки и квити». Я подошла до стола, говорю:

— Деточки, сказано — не доказано — надо сделать. Ефремовский хлеб собрать — надо за ним как за родным дитем глядеть. Посеешь утром али посеешь вечером, и то разница. Утром зерно в сырую землю ляжет. А вечером — в песок. И будет твоя бубка в том песке, как камень, лежать, пока дождь ее не на-

поит. Вот оно как! А спеклу думаете легко до дела довести? Меня на выставку за что послали? Я за каждым корешком глядела. Вы на одну тяпку шаруете, а я на полторы. Вы между рядками вспушите, а корешок, как был в камне, так и сидит. А у меня земля и в рядочке вспушена. Я как выйду прорывать — душой над каждым корешком изболею: какой вырвать, какой оставить. Глядишь — корешок крепенький, перья — веселые. Оставайся, расти! А какой несамостоятельный, да хилый — я его, хоть и жалко, а вырву — он и сам не дойдет и со сдуру простору не даст. Прорву, а потом нет-нет да с утра до ночи по рядочкам хожу — за каждым приглядываю. Того камушком привалило — освобожу, тот завял — я ему подкормочку дам. И как поднимается моя плантация — буйнее во всем районе не найдешь.

С умом надо, деточки, урожай растить, душу и сердце в него вкладывать!

Учу их, да строго так, а самой рассмеяться не терпится. Может мне по старости так кажется, а ведь как у нас радостно деревня встает! Фронт через нашу Почаевку туда сюда два раза прошел. Немцы два раза нас огнем жег, бомбами бил, снарядами крошил. Разграблено все. А поднимались, выпрямались. Глядите: сараев понастроили. Телят собрали, коровок приобрели.

Благодарение правительству — овсечек, гусей нам представило. Теперь у нас четыре фермы. Саду порядком даем. Мост построили. Если так побелили да разукрасили — поглядеть любо. А главное, как народ зашевелился. Все за колхоз держатся. Все одного хотят, чтобы хлеба державе больше прибавить. И думаю я так, что немного пройдет времени, а будут у нас в Почаевке и хлеба полные амбары, и скота полные дворы и куры, и гуси — все будет.

А отчего так? Я молодым говорю — советской властью родной, как душой, дорожите, колхозом не гребуйте. Я старый человек, четвертую войну переживаю. 63 года мне. Кажись много за свой век сделала. А советской власти — 26 лет и какую она жизнь за короткое время народу дала! Батрацких да бедняцких сынов в какие славные люди вывела! Так мы ли на нее не потрудимся? И ежели мне кто и до сих пор говорит, что отдыхать мне надо, так я ему отвечаю:

— Для советской власти и старость не в тягость. Для родной власти я что хочешь сделаю! Пока держава войну не кончила, пока она насильникам нашим не отомстила, пока она дочек наших не выручила — я на посту стою. Я и дальше будильником буду! Я никому спать не дам! А как война кончится, знаю, придут мои сыночки, дочка может возвратится, скажут они мне:

— Теперь отдохните, мама.

И я еще подумаю, чи отдыхать мне, а чи придется еще поработать, чтоб напоследок в Москву съездить, на выставке побывать, может, даст бог, медаль заработать и отцу нашему, товарищу Сталину, в ноги поклониться: за власть хорошую, за жизнь колхозную — правильную, за все его добрые дела для народа.

ЛОМ — МАРТЕНАМ

полностью выполнить
ПЛАН ОТГРУЗКИ
МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЛОМА
ОБОРОННЫМ ЗАВОДАМ

В условиях военного времени значение металлического лома, как сырья для оборонной промышленности, трудно переоценить. Не менее половины металлических изделий вырабатывается сейчас из металлолома. Замена руды ломом металлов дает огромную экономию рабочей силы и средств.

Наша область должна снабжать ломом черных металлов ряд военных заводов. Это — дело большой государственной важности. Металлолома в области много, но плановое задание по заготовке и отгрузке его заводам не выполняется. В первом квартале 1944 года курская областная контора «Главчермет» (управляющий тов. Михайлов) должна дать промышленно-

сти 2800 тонн лома черных металлов. Заготовлено пока всего 1800 тонн, а отгружено предприятиям лишь 880 тонн.

Причины этого кроются, как в плохой работе самих заготовителей, так и в недостаточном внимании к этому делу со стороны некоторых советских и партийных организаций. Государственный Комитет Обороны обязал исполкомы городских и районных советов привлекать для вывозки лома металлов местный транспорт, а держателей металлолома — вывозить его к месту отгрузки своими транспортными средствами. Но, очевидно, многие руководители районов не хотят понять всей важности постановления ГКО. Только этим и можно объяснить тот факт, что в Старо-Оскольском районе скопилось свыше 80 тонн заготовленного металлолома, в Крупецком — 62 тонны, в Волевском — 40 тонн, в Микояновском — 35 тонн и т. д. Только по системе общегосударственного не вывезено на пункты отгрузки 727 тонн заготовленного лома.

Не лучше обстоит дело и на предприятиях Курска. Не менее 15 тонн металлического лома скопилось на заводе, где директором тов. Выменец. 20 тонн ценнейшей металлической стружки ржавеет на заводе «Текстильмаш». Тонны металлолома лежат на ЦЭС и канцелярской фабрике.

Хорошую инициативу в сборе и отгрузке лома черных металлов проявили некоторые комсомольские организации. Десятки тонн металлического лома собрали и отгрузили в нерабочее время на заводы комсомольцы Бутского железнодорожного узла и Шебекинского района. Руководителям обкома и Курского горкома ВЛКСМ надо было возглавить эту замечательную инициативу, превратить ее в массовое патристическое движение молодежи, но это не сделано. Курский горком комсомола, только после соответствующего решения горкома ВКП(б), т. е. в середине марта, кое-что начал делать. И не случайно комсомольцы города, взяв обязательство собрать и отгрузить в первом квартале 100 тонн лома черных металлов, заготовили лишь 50 и не доставили к месту отгрузки ни одной тонны.

Невыполнение заданий по сбору и отгрузке металлического лома заводам, кустным предприятиям для фронта, является преступлением перед родиной.

Выставка „Львовский район в дни Отечественной войны“

Льгов. (От нашего корр.).

Партийный кабинет райкома ВКП(б) организовал фотовыставку, посвященную годовщине освобождения района от немецких оккупантов. Диаграммы и фотографии показывают, какие разрушения причинили немецкие изверги хозяйству и что сделано в течение года по его восстановлению.

В отделе «Прочти, запомни, отомсти!» большая фотография.

Около тюремного сарая трупы советских граждан, замученных палачами. За время своего хозяйничанья немцы расстреляли и замучили в районе более 600 человек. Среди них колхозница Жарких, комсомолка Люба Харченко, председатель Малеевского сельсовета Марфа Петровна Рызанцева, 8-летняя Галя Богомазова и другие. 640 человек советских граждан угнаны на немецкую каторгу в Германию.

В отделах: «Транспорт» и «Сельское хозяйство» показаны первые итоги восстановительных работ на железнодорожном транспорте и в колхозах, рост этих отраслей в прошедшем году.

Отражена работа по восстановлению культурно-просветительных учреждений. В школах учится уже около 10 тысяч учащихся. В этом году отпущены большие средства на народное образование.

В отделах: «Транспорт» и «Сельское хозяйство» показаны первые итоги восстановительных работ на железнодорожном транспорте и в колхозах, рост этих отраслей в прошедшем году.

Отражена работа по восстановлению культурно-просветительных учреждений. В школах учится уже около 10 тысяч учащихся. В этом году отпущены большие средства на народное образование.

Отражена работа по восстановлению культурно-просветительных учреждений. В школах учится уже около 10 тысяч учащихся. В этом году отпущены большие средства на народное образование.